

Алистер

Я не знал толком, как одеваться на улицу, и теперь жалею, что не напялил безрукавку, которую мама мне всегда советовала надевать между рубашкой и курткой перед выходом на балкон. Но возвращаться за ней уже поздно. Поезда отправляются в назначенное время. Наш отходит в 10:34 и прибывает в Париж на Лионский вокзал в 13:38. К счастью, я решил надеть шерстяные носки. Они немного колются, зато ноги в тепле.

На привокзальной площади большими плитами из матового стекла, покрытыми сетью трещин, выложен круг. Наверное, когда-то тут стоял фонтан. Выглядит так себе, но вблизи похоже на растрескавшийся из-за жара хрусталь. Яро не дает мне остановиться, чтобы сделать несколько кадров с планшета.

— Почему ты не носишь рюкзак на спине? — спрашивает Яро.

— Мама отрезала лямки.

Яро качает головой. Иногда его так трудно понять, особенно когда он молчит. Качание головой может означать массу разных вещей! Я не знаю, о чем он думает, а он молчит до самого вокзала.

Автоматические двери открываются сами, чтобы пропустить нас внутрь. Никто не обращает внимания на их тихое шипение. В холле полно приезжающих

и уезжающих, и все куда-то направляются. Но почему-то никто не сталкивается, будто здесь не вокзал, а репетиция балета!

Я в первый раз поеду на поезде по-настоящему, но прекрасно знаю, что и как нужно делать. Над дверями, которые ведут к платформам, висят экраны. На них есть номер платформы. На билетах указан номер вагона и номер места. А еще время и место отправления и прибытия. Это легко.

В холле Яро протягивает мне билет, который я распечатал перед выходом из дома.

— Иди садись, я куплю нам чего-нибудь пожевать.

— Ты не сядешь со мной в поезд номер 6453, отходящий в 10:34?

— Да сяду, сяду, через пару минут, но мы проголодаемся в поезде. К тому же у парня с билетом, сэндвичем и газировкой, купленными на вокзале, вряд ли станут проверять документы. А поскольку у меня этих самых документов нет, не спорь со мной. Ты понял, как найти наши места?

Я киваю. Я понял и направляюсь к поезду, крепко держа в руках свой рюкзак без лямок. Номер платформы указан на табло отправления. Номер вагона — под броской отметкой на экране платформы и на двери вагона. Место у столика.

Вагон четырнадцатый, место семнадцатое. На месте семнадцать в четырнадцатом вагоне кто-то сидит. Гомо сапиенс мужского пола в возрасте между сорока пятью и пятьюдесятью с трехдневной щетиной и в красных кроссовках. Он наклонился к девушке с длинными светлыми волосами, которой где-то между восемнадцатью и двадцатью пятью, и что-то ей говорит. Она сидит за столиком, отделяющим ее

сиденье от того, что напротив, положив на него сумочку и уткнувшись в телефон, и не обращает на мужчину никакого внимания.

Я громко говорю:

— У меня семнадцатое место.

Мужчина отвечает:

— Ах да, прошу прощения, не затруднит вас пересесть на двадцать шестое? Я предпочитаю ехать по ходу движения, а так как в приложении эти пожелания учитываются только для первого класса... Двадцать шестое, в этом же вагоне.

Он ждет, не двигаясь с места. Я не знаю, что делать, поэтому тоже жду, не двигаясь с места. Мужчина пытается меня не замечать, но в конце концов решает заговорить:

— Какие-то проблемы?

— У меня билет на семнадцатое место. Вы сидите на месте номер семнадцать.

Он хмурится. Это свидетельствует о том, что он размышляет. Или что у него трудности с пониманием. Или что у него болезнь Альцгеймера. Или сенильная деменция другого типа. Но он не выглядит таким старым, значит, дегенерация очень ранняя.

— Я понял, что у вас семнадцатое место, и говорю вам, что мое место — двадцать шесть, и прошу вас: будьте добры, поменяйтесь со мной местами.

— У меня билет на семнадцатое место.

— Минуточку.

Он поднимается и теснит меня в угол с чемоданами, прямо к двери на платформу. И говорит шепотом:

— Не заводись, брателло... Это все цыпочка на соседнем месте — по-моему, это мой счастливый билет.

Будет просто отпадно остаться сидеть рядом с ней, попытать удачу, ну, ты понимаешь.

Этот мужчина разговаривает как в фильмах восьмидесятых. Но я все еще его не понимаю.

— У меня тоже билет. На семнадцатое место.

— Ах вот оно что, окей, я допетрил. Хочешь оставить ее себе, да? Все равно она лесбиянка, зуб даю, иначе бы у меня уже был ее номерок. Давай, вали на свое семнадцатое место, мелкий жук, оттянись там!

Он уходит, забирает свою куртку с моего места и идет к месту номер двадцать шесть.

Я сажусь у прохода. Девушка сидит у окна. Я не могу ее рассмотреть, потому что мне мешают все эти волосы, спадающие ей на лицо и похожие на шелк.

Я поставил рюкзак себе на колени и теперь не знаю, что делать со своей правой рукой, потому что на подлокотнике уже лежит рука девушки. На запястье у нее татуировка с собакой-пружинкой из «Истории игрушек»¹. Может быть, подлокотник занимают по очереди, минут по пятнадцать на каждого? Она наклоняется ко мне, и я чувствую яблочный аромат ее специального шампуня от перхоти. Мама покупала его, когда поседела.

— Спасибо вам, что настояли, чтобы занять свое место. Три часа пути — это долго... Мы еще даже не тронулись, а с ним уже было очень тяжело.

— Я вешу восемьдесят два килограмма.

Она тихо смеется и качает головой в облаке аромата зеленых яблок. Ее волосы почти достают до меня, и мне хочется запустить в них руку.

---

¹ «История игрушек» (2009) — американский мультипликационный фильм, номинированный на «Оскар» за «Лучший оригинальный сценарий». *Прим. ред.*

— Вы можете поставить свой рюкзак на пол между нашими ногами, если хотите. Мне он не мешает. А остальные за нашим квадратным столиком уж как-нибудь да усядутся!

— Квадрат — это параллелепипед, все четыре стороны которого равны и пересекаются под прямым углом.

Она снова смеется.

— Мне кажется, я впервые пересекаюсь с кем-то вот так, под прямым углом.

— Извините, могу я сфотографировать вашу татуировку?

— Для соцсетей?

— Нет, для себя.

Она смеется и протягивает запястье. Я навожу камеру планшета и делаю снимок, на котором видно и ее руку тоже. Лак на ногтях немного облупился, а на заднем плане слегка размыто виднеются ее туфли на каблучках.

Яро входит в вагон и ставит на стол передо мной какой-то пакет.

— Я взял тебе сэндвич с курицей и овощами, подойдет? И колу. Здравствуйте, мадемуазель.

В этот раз она не смеется. Он протягивает мне мамин кошелек. Я убираю его в рюкзак и наклоняюсь, чтобы поставить рюкзак на пол.

— Убери его лучше к чемоданам, он будет мешать твоей соседке. Прошу вас, мадемуазель, извинить нас за беспокойство.

— Он нисколько мне не мешает! Это я предложила вашему другу поставить рюкзак сюда.

— Спасибо вам от моего друга. Ну как друга... Это громко сказано, конечно, мы просто приятели.

Девушка улыбается во все тридцать два зуба. Она проводит руками по волосам, приподнимая их у корней, как если бы мыла их, а потом отбрасывает светлую гриву за левое плечо. Запах немного меняется, становясь больше похожим на жвачку со вкусом яблока, чем на шампунь с ароматом зеленых яблок. Она кладет свое предплечье рядом с моим, и у меня бегут мурашки по коже. Я впервые прикасаюсь к татуировке. И к девушке тоже. Я поднимаю руку и пропускаю прядку ее волос между своими пальцами. Они очень мягкие и очень твердые одновременно.

— Что вы делаете?

Я понимаю, что сделал что-то, чего делать не следовало. Она хмурится, а Яро резко бросает мне:

— Перестань, Алистер! Простите его, ему еще не доводилось ни путешествовать, ни... Он немного... Словом, извините его.

Я выпустил из руки волосы и прижался к подлокотнику со стороны прохода. Меня бросило в жар, я странно себя чувствую. К счастью, она убирает свою руку с подлокотника, и мне становится легче. Яро тоже начинает слегка натянуто улыбаться.

— Выйдем на пару минут, Алистер, мне нужно кое-что тебе показать!

Я иду за ним на платформу. Но он ничего мне не показывает, а легко ударяет кулаком в плечо.

— Поверить не могу, чувак! Ты никогда в жизни не видел девчонок вблизи, я на минуту оставил тебя одного, а ты уже подцепил самую красивую девушку в поезде. Ты еще и гипнозу в ютубе учился, что ли?

— Она кажется мне красивой, хотя и улыбается губами, а не глазами.

— Да всем плевать на это! Ты с ней разговариваешь, ты вежливый и славный. Только не начинай трогать ее раньше времени. Такие девушки на дороге не валяются, поверь мне. Так везет только один раз в жизни, чувак.

— Она не девушка моей мечты.

— Да и ты не ее принц на белом коне!

Я пожимаю плечами. Яро может знать множество вещей, но его легко ослепить. Лучше сменить тему.

— Я собираюсь завести аккаунты в соцсетях.

— Ты меня бесишь.

Мы возвращаемся и садимся на свои места, больше не сказав друг другу ни слова.

В дороге я перечитываю «Критику чистой математики». Я ем сэндвич, пью колу и изо всех сил стараюсь делать вид, что не замечаю ни как моя соседка обращается ко мне, ни как она ко мне прикасается. А потом спрашиваю Яро, почему у него нет документов. До моего вопроса Яро говорит и улыбается за двоих. А потом отвечает, что мне лучше заняться своими делами. Я прочел немало научно-популярных книг. Когда-то они были единственным мостиком между мной и внешним миром, пока мама не купила телевизор и не провела интернет. «Критика чистой математики» занимает особое место в моей жизни. И хотя я знаю ее наизусть, я всякий раз смеюсь, перечитывая ее.

Поэтому я смеюсь.

Я должен ответить Яро, когда он спрашивает, что здесь смешного, но мне нужно время, чтобы отдышаться.

— Просто речь идет о параболическом уравнении и...

Яро не смеется. Он смотрит на меня, как Шампольон¹ на Розеттский камень², будто пытаюсь отыскать ключ к разгадке тайны. Я пожимаю плечами.

— Юмор математиков.

Девушка снова улыбается во все тридцать два.

— Вот так послушаешь, как вы смеетесь, и почти хочется вернуться в детство, к урокам математики.

— Они есть в интернете, адаптированные для всех возрастов.

— Правда? Как здорово!

Я вижу, что она размышляет, что бы еще такого сказать. Может быть, она помнит что-то из математики — Фалеса или Пифагора, — но она только улыбается, показывая свои белоснежные, ровные, блестящие зубы. А потом снова утыкается в телефон.

Однако «Критика чистой математики» вдохновила меня на рисунок. Я вытаскиваю свою черновую тетрадь и калькулятор и начинаю строить схему, скрещивая две функции. Она косится на листок.

— Как красиво! Это напоминает мне о спирографе, который мне подарили на восьмой день рождения. Я его просто обожала!

Яро отвечает ей, она рассказывает о том, что ее родители сохранили игрушку на чердаке, а я заканчиваю набросок. Десять минут спустя она просит меня выпустить ее и уходит. Возвращается она за девять минут до прибытия.

Пока поезд тормозит, подъезжая к вокзалу, она поднимается и наклоняет голову ко мне. Ее волосы

---

¹ Жан-Франсуа Шампольон (1790–1832) — французский востоковед, основатель египтологии. *Прим. ред.*

² Розеттский камень — каменная плита, найденная в 1799 году в Египте, благодаря которой удалось расшифровать египетские иероглифы.

струятся, задевая кончиками мои колени. Спрятавшись за этим волосяным занавесом, она шепчет:

— Я уже очень давно ищу эскиз для татуировки в духе того, что вы рисуете. Если вы будете не против показать мне несколько ваших рисунков — позвоните.

Она показывает мне билет на метро, на котором что-то неразборчиво написано, и опускает его в карман моей рубашки.

Наши лица так близко, что я вижу ее нечетко. Мои глаза скошены к переносице. Бросает в жар. Сердце колотится. Я не знаю, как реагировать, но мама всегда говорит, что вежливость помогает найти выход из любой щекотливой ситуации.

— Спасибо, мадам.

Она смеется и машет мне рукой на прощание. Напоминающая чем-то прощающихся Телепузиков, вот только ее лапка намного изящнее и тоньше. И она куда симпатичнее Тинки-Винки.

Яро

В Париже на Лионском вокзале царит суматоха, к которой так привыкли его завсегдатаи. Суетятся мини-составы с напитками для баров скоростных электропоездов, в киоски с фастфудом выстраиваются очереди, спят неоновыми огромные вывески магазинов, к табло отправления поднимаются лица, и мечутся взгляды в поисках свободных мест в зале ожидания. На платформе двадцать два поезд изрыгает своих пассажиров. Те, кто спешит, лавируют между чемоданами на колесах, а самые добродушные помогают пожилым

с их вещами. Путешественники из четырнадцатого вагона умиленно наблюдают, как Алистер прижимает к груди рюкзак, будто несет в нем ребенка.

— Расслабься, — говорит Яро. — Никто не позарится на старый дерьмовый рюкзак без лямок.

— Я очень дорожу своей книгой.

Яро не отвечает, но его шаг становится шире. За чтением Алистер несколько раз начинал хохотать. Громко, заразительно, не боясь задохнуться. Это были мгновения чистой радости, бывшей ключом непонятно откуда и охватывающей весь вагон. Яро поражен. Как Алистеру это удастся? Самый асоциальный парень, которого он когда-либо знал, всю дорогу провел за чтением книги, избегая любого физического контакта со своей божественной соседкой, и, несмотря на это, практически объединил остальных пассажиров. При этом даже не заметил ни понимающие взгляды, которыми обменивались попутчики, когда он смеялся, ни улыбки, которые расцветали на их лицах.

Яро завидует его способности создавать моменты благодати с этой нечаянной и невинной радостью, которая исчезает, когда детство заканчивается. Если бы он мог хотя бы вполнину очаровывать людей так, как это делает Алистер, он бы уже не был нелегалом. И пускай Алистер делает это не специально, его талант раздражает.

— Да что ты творишь? — кипятится Яро, оборачиваясь к Алистеру, который идет за ним. — Нельзя так тормозить!

Алистер неуклюже нагоняет его.

— Я фотографировал рельсы под поездом. Они блестят, и на них сидела птица. Как ты думаешь,

существуют чистильщики рельсов? Может быть, даже мыши. Или крысы, как Реми из «Рататуй».

Яро снова ускоряет шаг. И зачем он только поехал с ним в Париж? Попробуй здесь не отвечать!

— Ну все, ты доволен? Закончил свой анималистический репортаж, можем ехать в обсерваторию?

— Я посмотрел в интернете. Туда идет девяносто первый автобус, или можно поехать на метро с пересадкой на станции «Шатле — Ле-Аль» на линию...

— Вот только не надо мне наизусть рассказывать схему метро. Ты кое о чем забыл.

— Кое о чем?

— Да, об одном параметре твоего уравнения: я нелегал. А знаешь, где полиция охотится на нелегалов? В общественном транспорте. Поэтому мы на общественном транспорте не поедem. Будем ездить на «Убере» или ходить пешком. Есть возражения?

— Да, само собой, у меня есть возражения. У стандартного уравнения не может быть параметров. В уравнениях есть постоянные и переменные.

— Алистер?

— Да?

Ну что ему сказать? Всякий раз, когда Алистер открывает рот, он застает Яро врасплох. Если бы существовала классификация мозгов, его отнесли бы к ряду произведений искусства. Одни нейроны глючат, а другие — пашут на математике.

— Заткнись и шагай.

Подумаешь! Постоянные, переменные, косинусы и Пифагоры — что угодно, лишь бы он дал расплатиться деньгами своей матери за такси. Яро направляется к выходу на площадь.

— Идем, нам сюда.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

